

ПРОСТИ НАМ ДОЛГИ НАШИ...

Мелодичный звук звонка прервал долгий поцелуй. Дима напрягся, увидев, как нежная улыбка жены медленно растворяется и вместо неё всё явственнее проявляется

противное лицо тещи. Вот уже нет рядом любимой жены, а у его плеча приподнялась, как гадюка в прыжке, тень тещи с поджатыми тонкими губами и сверлящими глазами:

– Опять? Да сколько можно? Каждую субботу я вместо отдыха вынуждена ни свет ни заря вскакивать, встречать и терпеть весь день твоего папу Петю!

– Но твоя мать тоже вчера торчала здесь целый день!

– Она не торчала! Она помогала мне! А ты мою маму на дух не переносишь, хотя она занимается с детьми и постоянно выручает, когда нет денег. А этот несёт всегда одно яблоко! Всегда на всех – одно яблоко.

– Правильно, твоя мать не смогла воспитать тебя толковой хозяйкой, пусть теперь искупает свою вину деньгами.

– А ты, как твой папа, можешь дать семье только крохотную зарплату, тоже всего на одно яблоко?

– Ты уже забыла, что отец построил нам дом, в котором ты сейчас живёшь.

Вскочив, кинула в него комок одеяла и вылетела из комнаты. И так – каждую субботу! Пришлось вставать и одеваться. Отец там, за воротами, стоит и ждёт, как послушный ребёнок.

С одной стороны, он – причина еженедельных скандалов, а с другой – жалко его.

Дима поморщился, мысленно представив чуть ссутулившуюся фигурку в голубой клетчатой рубашке и джинсах, одиноко торчащую у забора на утренней пустынной улице.

Отец за последний год как-то уменьшился в размерах, усох и издала похож на уставшего подростка. Ещё шесть лет назад он казался большим и сильным, весёлым и довольным жизнью. Как вспыхивали его синие глаза рядом с мамой! Как весело и заразительно они смеялись, подшучивая друг над другом. Но мамы нет уже пять лет. А без неё он спорбился, стал тихим, грустным и каким-то незаметным. Жил теперь совсем один в большом доме, где вырос Дима и его два старших брата. Братья приезжают к отцу в гости на два-три дня летом с детьми, но без жён.

Диме, конечно, очень жаль отца, и по-доброму, по-человечески надо бы предложить ему жить вместе, как жили когда-то в их доме бабушка и бабушка. С детских лет Дима помнил, что с ними было так спокойно и уютно, когда родители отлучались из дома на работу или в командировку.

Но Полина никогда в жизни на это не согласится. Она отца терпеть не может. Раздражается каждый раз, как только он переступает порог дома, который построил своими руками и с любовью подарил младшенькому сыночку.

Что можно сделать, Дима не знал. Как выйти из этой ситуации?

Отца ему безумно жаль, но он не представлял свою жизнь без Полины, а главное, без двух карапузов – сыновей, четырёх и пяти лет, которые были смыслом его жизни.

Отец тоже хорош! Не может понять, что мы работаем всю неделю, рано встаём, и хочется хотя бы в выходные поспать подольше. Как по расписанию, рано утром является и звонит. Звонит, и у них с Полиной каждую субботу скандал. Мир восстанавливается с трудом вечером после бани. Но в воскресные утром является теща, начинает подкалывать зятя, со вкусом рассказывая местные новости, кто что купил или подарил своей жене, многозначительно поглядывая на Диму.

После её ухода Полина закатывает очередную сцену или просто устало попрекает мужа, что денег он зарабатывает меньше неё. Её бесит, что его отец ничего им не даёт, хотя пенсию получает приличную и как бывший плотник подрабатывает. Причём она досконально знает, кому и сколько дверей, оконных рам, резных палисадников и разных деревянных поделок он сделал и, главное, сколько ему за эту работу заплатили. Знает так, как будто составила на каждую работу наряд, недаром работает экономистом на заводе.

Но Дима не может требовать у отца деньги, стыдно здоровому мужику, имеющему жену и двух сыновей, побираться. Да и зарплата у него, заместителя директора

автопредприятия, не меньше, чем у других мужчин в городе.

Но на заводе, где Полина работает экономистом, часто выплачивают огромные премии. Как будто есть в этом её заслуга, а не матери, которая, будучи директрисой школы, воткнула её по знакомству на завод после окончания института.

Деньги Полине нужны всегда. И что попало в её цепкие холёные ручонки с длинными хищными ногтями, будет потрачено. Ещё не хватит на все её желания! Потому как потребности безмерны. Мать разбаловала её, отказа ни в чём не было, она привыкла иметь всё, что захочет.

Он влюбился в неё, потому что в их классе только она была похожа на принцессу из сказки, а не на простую девчонку из небольшого городка. Он и сейчас её любил, прощая ей всё. Она знала это и измывалась, как хотела.

Когда Дима наконец-то открыл ворота, отец сидел, чуть сгорбившись, на резной лавочке. Крупные руки с набрякшими венами теребили прозрачный пакет с большим зелёным яблоком. Дима улыбнулся:

– Здравствуй, папа. Прости, я пока встал и оделся.

Выцветшие голубые глаза глянули грустно и виновато:

– Ничего. Я к детям. Соскучился.

– Заходи.

– Дедушка Петя пришёл!

Внуки уже неслись к деду и повисли на нём. Старший Костик что-то взахлёб рассказывал, а младший Павлик устроился на руках и обнимал за шею пухлыми ручонками. Дед разделил им яблоко пополам, и они, заговорив о своих делах, куда-то пошли втроём.

Дима сунулся на кухню, но Полина так швырнула сковородку, что он решил пока к ней не подходить. В гараже работы много, переделался, успокоился и, насвистывая песенку, решил, что всё утрясётся ещё раз. Но не тут-то было. Полина шла через двор к воротам, одетая, накрашенная и злая. Небрежно кинула в пустоту:

– Я к маме, – и вышла за ворота.

Значит, нужно идти готовить еду. Вот мерзкий характер. Знает же, что четырёх мужиков нужно кормить. Пришлось идти на кухню. Зато как классно посидели вчетвером в мужской компании! Ребятишки, набегавшись с дедом, так проголодались, что ели за двоих. По тарелке наваристого борща с густой деревенской сметаной, сверху добавили по порции картофельного пюре с сочным куском нежной телятины. Запили компотом из сухофруктов. И ведь ни один не захныкал, не заныл, что не будет есть. С дедом они никогда не капризничали. Он сидел довольный, весёлый, ел с удовольствием, и глаза его ярко синели из-под седеющих нависающих бровей.

Дима поймал себя на мысли, что им хорошо без Полины! При ней всегда обед был унылый, хотя готовила очень вкусно. Но она раздражалась, потому что все едят, а она должна беречь фигуру, злилась, что тратит время на приготовление пищи, что много денег уходит на продукты и что дети капризничают.

Вечером Пётр Силантьевич медленно возвращался знакомой дорогой по улочке, здороваясь с соседями.

В этой части города он построил каждый второй дом. Они стоят и смотрят на мир окнами в кружевных ставнях, как и его дом, высокий, красивый. Дом, о котором мечтали они с Аннушкой. Теперь дом стоит, а Аннушки нет. А без неё в большом доме пусто. Днём ещё ничего, время занято: работа, телевизор, огород. Плохо ночью. Только гулко отдаются его шаги, когда он беспечно бродит по комнатам. Изредка заскребётся мышка, если кот Пушок убежит надолго. В комнате тишина. Тишина плотная и тяжёлая. Она, кажется, пеленает голову, шею, грудь. Давит, и трудно дышать.

Старший и средний сыновья остались после института в городе, у них там работа, дом, семья. У одного сынок, у другого дочка. Сюда вернулся только младшенький, дом ему большой построили, здесь внучата любимые родились. Но, к сожалению, видятся редко: Дима с Полиной на работе, детки в

детском садике пять рабочих дней. Каждая суббота – счастливый день. День, когда внуки дома и он может увидеться с ними. Завтра воскресенье – очередь сватья гостевать. Она тоже живёт одна, пусть побудет с малышами.

Правда, он видел, что сноха Поля недовольна и ушла сегодня из дома. Но он пришёл не к чужим людям, а к сыну и к внукам. Да и нечасто ходит – один раз в неделю. Хочется-то каждый день, но дни приходится считать от субботы до субботы.

Что и говорить, жена у младшенького красивая, да заносчивая. Одно слово – директорская дочка. Привыкла всегда быть первой: нарядная, раскрашенная. Идёт по улице – не с каждым поздоровается. Да, не по себе сук срубил Димка. Выбрал бы соседскую Валю, тоже одноклассницу, простую девушку. Она Диму любила, и сейчас встретит, расспрашивает. С мужем хорошо живёт, дружно, двух детей растит, со свекровью ладит, мамой зовёт. Но Димка Полину любит, пусть живут, как могут. Ласковый он, спокойный, уговорит строптивницу. Им с Аннушкой никто поперёк любви не вставал, и сыновья пусть решают сами. Все хотят самостоятельности, чтоб никто не мешал.

Димке надо любимым делом заняться. Вот бы до дня рождения его, через два месяца, доложить на сберкнижку до миллиона и подарить деньги на новую машину. Тогда внукам можно гостинцы хорошие покупать, а не одно яблоко на двоих.

В воскресенье утром, услышав в доме громкий командный голос тётки, Дима собрался улизнуть на улицу, но его остановила Поля:

– Дима, иди завтракать.

Пришлось повиноваться. За столом уже сидели сыновья. Старший Костик ел через силу манную кашу, которую он терпеть не мог. Но уже знал, что бабушку послушаться нельзя. А младший Павлик, ещё не научившийся дипломатии, плакал, размазывая слёзы и кашу по щекам. Тёща Светлана Трофимовна грозно стояла над ним.

Дима сам побаивался бывшую директрису и, когда ему Поля подала тарелку с кашей, покорно начал есть. Сын, глядя на него, успокоился и тоже потянул в рот ложку. Тёща наконец села за стол. Стояла напряжённая тишина. Или это только Диме казалось? Поля с матерью начали обсуждать какие-то свои женские проблемы.

Вдруг Полина вскрикнула:

– Да что ты говоришь! Прямо бриллианты! Взял и подарил! – Она горестно скривила рот и нахмурилась. – Ну надо же, этой корове – и бриллианты!

Походила быстро по кухне, остановилась напротив Димы и, глядя на него в упор, сказала:

– Только у меня нет бриллиантов! – выждала несколько минут и строго спросила: – Ты что, притворяешься, что не слышишь?

– Слышу, – с нарастающей тревогой в груди, но внешне спокойно ответил Дима.

– Что ты слышишь? – уголки рта у неё опустились ещё глубже, и красивое лицо опять начало пропадать. Сквозь любимые черты опять проступал постепенно тёткин двойник: злой, презирающий и ненавидящий его, Диму. Этому двойнику бесполезно объяснять, что у них нет денег на все капризы, а главное, что за людьми не угонишься: один покупает новую мебель, второй – бриллианты, третий – дорогую одежду, четвёртый...

За всем этим внимательно наблюдала тётка, прикидывающаяся доброжелательницей, но раздувающая пожар между дочерью и зятем. Может быть, ему так кажется потому, что он не любил Светлану Трофимовну ещё в школе?

Дима встал, отвернулся и собрался выйти из кухни в гараж – единственное место, куда тётка не совала свой нос. Но Полина быстро загородила ему выход:

– Куда собрался? Я с кем разговариваю?

Он пытался её остановить:

– Поля, прекрати! Ты же знаешь, у нас нет и не будет пока лишних денег. А без этих безделушек можно жить, и жить хорошо.

– Это ты можешь так жить, без всего! А я не могу! И не хочу! Твой папа зарабатывает кучу денег и куда их тратит? Твоим братьям в город увозит? А тебе – фигу?

– Поля, это папа зарабатывает деньги, а не мы. И распоряжается своими средствами так, как захочет!

– А почему моя мама может постоянно давать нам деньги?

– Вот ты у неё и спроси!

Тут подала голос тёща:

– Дмитрий, не дерзи! – ледяным директoрским тоном властно приказала она. – твой отец, Пётр Силантьевич, за последнюю неделю получил дополнительно к пенсии больше десяти тысяч рублей.

– Ну и что?

Дима резко повернулся к Светлане Трофимовне и вдруг понял, что нисколько её не боится:

– А вам какое дело? Зачем вы всё время пытаетесь нас поссорить? Я знаю, что всегда не нравился вам. Но я не с вами живу.

– Как ты со мной разговариваешь!

– Как муж вашей дочери! Как хозяин дома, в который вы пришли в гости. И не умеете, к сожалению, правильно себя вести.

– Боже, кто это меня учит правилам хорошего тона – сын неграмотного плотника?

– Светлана Трофимовна, неграмотный плотник приходил вчера и плохого слова не сказал снохе, хотя она демонстративно ушла и даже не приготовила обед. А вы, грамотная женщина, собираете сплетни и постоянно провоцируете нас на скандал.

– Полина, он меня оскорбляет. Извинись сейчас же!

– И не подумаю.

Светлана Трофимовна вдруг вскочила со стула, громыхнув кулаком по столу, рявкнула, как простая баба:

– Я кому сказала! Извинись!

Дети испуганно устались на них, губёнки дрожали, того и гляди разревутся.

– Вы когда-нибудь оставите нас в покое? Детей перепугали. У вас что, своего дома нет? Идите и там распоряжайтесь на

здоровье. А в моём доме попрошу вести себя спокойно и не лезть в нашу жизнь.

Светлана Трофимовна побледнела, закрыла лицо руками и заплакала. Полина попыталась её утешать, но та резко повернулась и бросила:

– Ноги моей больше здесь не будет! – и хлопнула дверью.

Дима, молча пожав плечами, присел к столу. Жена закричала на него:

– Чего расселся? Выгнал мою маму! Беги, догоняй её и извиняйся!

Дима упрямо не признавал своей вины:

– Мне не за что извиняться. И никуда я не побегу.

– Тогда уйду я.

Полина пришла домой поздно вечером, когда Дима и дети уже крепко спали.

Светлана Трофимовна злилась и плакала всю ночь.

Какая бестолковая девчонка эта Полинка! Нашла за кого замуж выйти. Такой же растяпа, как Федька, её бывший муж, Полин папаша родной. Ни украсть, ни покараулить! Что он может ей дать? Только и радости, что смазливое лицо.

Так глупо распорядиться своей жизнью! И ведь уже двух детей успела родить.

Зять-то хорош – так орал на неё! Господи, ну почему Полина именно Димку выбрала?

Абсолютно бесперспективный! Ещё и на меня накричала, что я им жизнь порчу. И свата приплела, тот тоже тащится к ним каждую субботу – надоед! Ни ногой к ним в дом! Полинка как хочет, так пусть и живёт. Денег давать больше не буду!

Рассветает, и, кажется, свет всё больше давит на глаза. Вроде кто-то очень сильный раскалёнными клещами сжимает голову, и сейчас она треснет в левом виске, хрупнет, как орех. Острая боль нарастает и становится невыносимой. Голова огнём горит! А вместе с болью медленно поднимался от живота к шее ледящий страх. Перехватило горло: ни руки, ни ноги не поднять. И до телефона не дотянуться – скорую помощь вызвать.

Утром Полине на работу позвонила Семёновна, соседка матери, и сообщила, что

Светлану Трофимовну она нашла лежащей на полу без сознания и вызвала скорую. Пришлось отпрашиваться в больницу.

Уставший после дежурства врач, спустившийся из реанимации, глядя мимо Полины, сообщил коротко:

– Инсульт. Нуждается в особом уходе. Говорить пока не может. Старайтесь не расстраивать.

Мать лежала постаревшая и какая-то помятая. Лицо, обычно свежее и румяное, сливалось с посеревшим от частой стирки больничным бельём. Нечёсанные волосы разметались по подушке. Она спала, всхрапывающая и постанывая.

Полина вдруг поняла, что основным чувством, которое она испытывает при виде беспомощной матери, оказались не любовь и жалость к попавшему в беду родному человеку, а только брезгливость. Скорее убежать отсюда, где ужасно воняет удушающей смесью отвратительного запаха человеческих нечистот и не менее противного запаха лекарств. Она, не обращая внимания на осуждающие взгляды больных, лежащих в палате, выскочила на улицу.

Через двадцать дней Светлане Трофимовне во время обхода молоденькая врач Римма Борисовна объявила, что её завтра выпишут из больницы. Похвалила, что правой рукой уже может поднести ложку ко рту, взять и держать телефон. Речь, хотя и невнятная, восстановилась. Могла кое-как передвигаться, если её поддерживали.

Вот только в душе Светланы Трофимовны поселился страх. Страх – как она будет жить дальше. Она не могла ходить за дровами во двор и готовить пищу. Значит, не может жить одна в своём большом доме, на дворе осень – нужно уже топить печку.

Больных женщин из палаты навещали и забирали дети. А к ней за всё время никто даже не пришёл. Кто же её заберёт? Да, перед зятем она виновата, терпеть его не могла и постоянно хотела, чтобы дочь с ним разошлась. Но Полина! Дочь, для которой она старалась всю жизнь. Единственный человек на свете, которого она любила! Из-за

неё никогда и не помышляла выйти вторично замуж! Дочка сейчас спокойно живёт, даже не думая, что матери тяжело и надо бы поддержать её.

Дежурная медсестра, её бывшая ученица, перед сном принесла ей таблетки, присела на кровать и рассказала, что врач звонила Полине на работу и объяснила, что Светлане Трофимовне необходим для выздоровления тщательный уход и забота. Полина обещала приехать за матерью в обеденный перерыв. Светлана Трофимовна успокоилась и уснула. Снилось ей, как она сидит в доме дочери в кресле у тёплой печки, а рядом бегают внуки, Павлик и Костик.

Проснулась она рано утром. Пришла сестричка, умыла и принесла завтрак. На душе было светло и радостно, уж больно поднадоела ей больница, особенно еда – пресная и невкусная. Она-то, бывший руководитель, очень хорошо знала, как большая часть продуктов не попадала в котлы при закладке, а выносилась с предприятия в тщательно упакованных сумках. Ей раньше тоже приносили такую сумку за молчание.

Светлана Трофимовна заранее неспешно оделась с помощью сестрички. Причём она постоянно заваливалась на бок, и они весело шутили, что так и хочется прилечь на привычную кровать.

Наконец в коридоре появилась Полина. Она не зашла в палату. Дождалась, пока сестра выведет мать из палаты, посадит на инвалидное кресло, и пошла к выходу. Сестричка хмыкнула, но повезла кресло сама до машины. Пересадить Светлану Трофимовну в машину ей помог Виктор, водитель Димы.

Светлана Трофимовна так отвыкла двигаться, что этот переход утомил её окончательно. Привалившись к спинке сиденья, задремав, отключилась. Проснулась, когда машина резко остановилась. Виктор нерешительно проговорил:

– Полина Сергеевна, она же не сможет жить одна. Ведь даже ходить не может сама! Давайте к вам увезём. Дмитрий Петрович велел привезти к вам.

– Забирай себе, если хочешь нюхать дерьмо. Мне только этого в доме не хватало. А Дмитрию что – не ему за ней ходить, а мне. А я лучше к ней приду.

Она обошла машину, брезгливо уставилась на мать:

– Ладно, давай выволакивать.

Светлана Трофимовна занервничала, пыталась возразить, что она не сможет жить одна здесь, что ей будет тяжело, но из её рта слышалось только нечленораздельное мычание.

Когда её заташили в дом, она беззвучно плакала, стараясь поймать ускользающий взгляд дочери. Виктор только качал головой, глядя, как по лицу самой сильной женщины в их городе, вдруг ставшей беспомощной и одряхлевшей, медленно струились слёзы.

Она лежала одетая на кровати, в неудобной позе. Мало того, что не могла снять верхнюю одежду, она даже не могла передвинуть своё тело.

Полина пошла за дровами, чтобы истопить печку. Виктор помог Светлане Трофимовне снять пальто и обувь, выгасил из-под неё одеяло и укрыл несчастную женщину, продолжавшую тихо плакать. Ладно, решил он, завтра приедет Дмитрий Петрович, он человек добрый и не допустит, чтоб Полина бросила свою мать.

Ночью похолодало, дом выстыл, так как труба осталась незакрытой на ночь.

Светлана Трофимовна замёрзла на холодной кровати. Встать и идти без посторонней помощи она не могла.

Как хорошо было в больнице: всегда рядом медсестра, которая помогала ей в нужную минуту. Всё тело сотрясалось в ознобе. Если бы поесть сейчас горячего, можно было бы согреться.

Но Поля оставила на столе пакет молока и две булочки. Даже если бы удалось встать, то не смогла бы сама разрезать пакет и это холодное молоко себе налить. Дочь об этом даже не подумала.

Как же получилось, что из её куколочки выросла такая жестокая женщина? Где она, педагог, упустила тот момент, когда

сердце ребёнка очерствело и стало каменным? Ведь в больнице каждую мать и бабушку любили и окружали заботой, а она, абсолютно беспомощная, лежит одна. Дочь сейчас не чувствует угрызений совести и ей всё равно. Спит себе, наверное, спокойно. Так холодно, зуб на зуб не попадает. Сейчас только осень, а что будет зимой?

Внезапно решила – надо позвонить Полечке. Пусть придёт и поможет. Кое-как тыкала непослушными дрожащими пальцами по клавишам телефона, практически на память. Всё – вызов пошёл.

– Родная моя, доченька, проснись! Мне плохо, очень плохо! Ты мне нужна! Отзовись!

Трубку никто не брал. Вдруг сонный любимый голос:

– Я слушаю. Кто это звонит?

Горло перехватило, опять только мычание и слёзы. Но Полина поняла:

– Мама, вы? Я же сказала, приду утром. Не будите меня больше, не мешайте мне спать.

Связь оборвалась.

Всё. До утра ещё далеко. Неужели теперь так надо будет жить? Утром дочь придёт минут на десять по пути на работу. Что это даст в её положении? Как холодно и так хочется есть! Опять нужно в туалет. Да ладно – теперь уже всё равно, хоть неприятные запахи дочка не любит. И её, свою мать, наверное, не любит – бросила, чтобы в доме не мешала.

Светлане Трофимовне стало так жалко себя, своей жизни. Ведь её всего в пятьдесят семь лет «ушли» на пенсию, а иначе она никогда не рассталась бы со школой. Это было всего пять месяцев назад. Как же теперь жить? Зачем?

Внезапно она почувствовала ясность в голове, такое же состояние, как было раньше, до больницы. Светлана Трофимовна заставила себя выгасить здоровую руку из-под одеяла.

На кровати разбросаны вещи ещё с того времени, когда её собирали в больницу. Вот под руку попали колготки. Новые, она

купила их к своему дню рождения. В больнице они не понадобились. Вдруг вспомнилось, что Поля не поздравила её с днём рождения. Первый раз в жизни. Забыла или не захотела?

Плача, развернула колготки, с трудом, за головой пропустила между прутьями старомодной кровати, на которой когда-то умирала мама. Другой конец обмотала, едва приподняв голову, вокруг шеи. Зажала в кулаке оба конца, с трудом сдвигая непослушное тело к краю кровати. Когда она наконец упала на пол, жуткая боль перерезала шею.

Так и нашли её Полина с Димой утром. Дима ужаснулся, что Поля не кинулась к матери, не заголосила, а спокойно нашла в сумочке телефон и предупредила, что на работу не придёт, так как умерла мама. Как будто ждала, что всё так и произойдёт.

Так же спокойно и буднично прошли похороны. Пришли все жители города – настоящие и бывшие ученики школы. Вслух много говорили хорошего о Светлане Трофимовне, а шёпотом о том, как она умерла. Косились на Полину. Но ей было всё равно. Стояла неподвижно и кивала, если очень приставали.

Поминки наскоро провели в заводской столовой, и уже дома Полина вдруг сказала:

– Как ты думаешь, за сколько можно продать мамин дом?

Дима страшно разозлился и накричал на неё, что она бездушная, так отнестись к собственной матери! Как же она будет жить с другими людьми? Она посмотрела на него внимательно и произнесла:

– Твой отец у нас жить не будет, не надейся!

Он не нашёл даже, что ей сказать.

В субботу они спали до десяти часов. Отец не пришёл. Первый раз за последний год. Мальчики, проснувшись, ждали его. Неужели с ним что-то случилось?

Дима быстро оделся и поспешил к отцу. Прохожих было немного, только вдалеке, у автовокзала, мокла под дождём кучка людей. Диме показалось, что у автобуса, среди входящих, он видит поникшую фигуру

отца. Он ускорил шаг, но машина тронулась, разбрызгивая грязь, по дороге в областной центр.

Через площадь, опираясь на клюку, тихо брела Семёновна, соседка Светланы Трофимовны. Дима пошёл ей навстречу. Спросил, не видела ли она отца.

– Как не видела? Видела. В город поехал Пётр, к сыновьям. Скучно ему здесь одному.

Да заодно документы мои прихватил, помочь вызвался. Очередь моя наконец-то подошла в старческий дом, оформляться нужно. Одна-то я уже жить не могу, а у детей для меня места нет. Не заслужила, наверное. Пётр Силантьевич решил в понедельник тоже на очередь встать, он понимает, что твоя змея никогда его не примет. Ведь ты в своём доме не хозяин, и ему там места тоже не найдётся.

Она отвернулась и тихонько побрела к дому.

Я ХОЧУ ЖИТЬ!

Луна – его верная спутница последних пяти лет – и сейчас светила ему сказочным, призрачным и дрожащим, как лимонное желе, светом. Закрывать глаза и уснуть, спать долго и сладко, как в детстве, и не просыпаться больше. Зачем, если ты никому теперь не нужен? Пожил достаточно – освободи место для других. Стариков в России пруд пруди – две третьих от всего населения. Ведь ещё двадцать лет назад, в 2030 году нашли способ продлить жизнь человека до двухсот лет и устроили обществу головную боль. Все теперь хотят жить долго, а ресурсов пенсионных фондов не хватает. Молодёжь не может устроиться на работу, все места заняты старшим поколением, и никто не хочет уходить, потому что это означает скорый уход из жизни. Всего пять лет можно получать пенсионные выплаты, но затем – «добровольное прощание».

Конечно, можно жить сколько угодно долго, но при условии неполучения пенсии. У детей, если они согласны. Или самостоятельно, если имеешь много денег. За долгие

годы работы много накопить Алексей не смог – денег хватило только на первые полгода свободной жизни после увольнения. Зарплата у него, начальника крупного отдела в министерстве, всегда была приличная, но первая жена никогда не работала, а любила красиво пожить, поэтому денег хватало в обрез. А когда он влюбился в свою молоденькую секретаршу, родившую ему дочь, пришлось содержать две семьи.

Он надеялся, что в старости будет жить в любви со своей молодой женой на её заработок и воспитывать доченьку, но, как только закончились деньги, она молча, без скандалов и объяснений, перешла жить к богатому человеку.

Обратился за помощью к взрослому сыну, но получил отказ:

– Нам самим денег не хватает, – резко ответила невестка, а сын простоял молча, отрёшенно глядя в сторону.

Он ушёл и бродил долго, отовсюду голимый и никому не нужный, пока не попал сюда, на огромный мусорный полигон, помойку большого города. На протяжении всей «допомоечной» жизни он даже не догадывался, что рядом с миром благополучных людей есть мир одиноких стариков, ползающих на огромных развалах мусора и грызущих с аппетитом то, от чего раньше бы стошнило. Их было немного – свободолюбивых и страстно желающих жить. Жить в любых условиях, лишь бы видеть солнце и встречать его, даже дрожа от холода. Прятаться весь день, чтобы не попадаться на глаза работникам свалки и гулять всю ночь напролёт по гигантским грудам мусора, под луной, в поисках какой-нибудь еды и одежды. Это были в основном состарившиеся мужчины.

Женщины не выдерживали такой жизни. Да, они выбирали отличную жизнь, в течение первых пяти лет, с пенсионными выплатами, красивой жизнью, путешествиями, салонами красоты, модной одеждой, вкусной едой, но за это расплачивались преждевременным уходом из жизни. Всё заканчивалось для них в богато украшенном зале

специального «Дворца добровольного ухода», в окружении детей, подруг, друзей, знакомых, под красивую музыку. Они умирали, усыпанные цветами и подарками, которыми уже не смогут воспользоваться.

Часть стариков доживали свои годы у детей, ненужные и бесправные, просиживая практически всё время в самой дальней крошечной комнатёнке.

А он был абсолютно свободен! Прошло уже пять лет со дня выхода на пенсию, и его ровесники, выбравшие пенсионное дожитие, сейчас готовятся к скорому уходу. Он представил себе, как в нарядном зале страшно прощаться с жизнью в 70 лет!

Под торжественную музыку тебе введут в вену лекарство, и родные лица начнут расплываться, блёкнуть, чтобы исчезнуть навсегда. Все близкие и друзья, вытирая наворачнувшиеся слёзы, разойдутся по домам, займутся делами, а новые заботы вытеснят в их памяти воспоминание о тебе. Тебя же никогда не будет! Для тебя исчезнет и луна, и солнце, и ночь, и день, и голод, и холод.

Как же он, оказывается, счастлив – может жить столько, сколько захочет! Молодец, что выбрал этот путь, трудный, но зато длинный.

Вспомнились полные ужаса глаза отца, которого укладывали после хвалебных речей на кресло, увитое розами. Ведь он совсем не хотел умирать! Ещё крепкий и сильный, мог бы жить долго. Но таков закон – пожил за счёт общества пять лет – уйди с миром. Здесь уже и дети не могут помочь, каждый выбирает свой путь сам.

Проснулся Алексей поздно. Вылез из своей крошечной палатки, сбитой из старых ящиков и завешенной разным тряпьем, принёс заранее приготовленные щепки. На маленькой печурке вскипятил воду и, пока варился нехитрый суп, сделал зарядку, обтёрся снегом, сбегал к речушке за водой. С удовольствием поел и решил прогуляться в город, посмотреть на людей.

Сегодня выходной день, и мусорщики уже отработали. Тщательнее умылся, причёсался, переоделся в более приличный костюм,

пальто, подушился. Мусорный полигон давал всё: люди выбрасывали ненужную им одежду, обувь, просроченную косметику и парфюмерию, консервы и подпорченную еду. Он жил на полном общественном обеспечении. С работниками свалки за пять лет сложились добрые и хорошие отношения, он им помогал в работе, а они позволяли выбирать лучшее, что привозили сюда. Они жили здесь же, в вагончике.

С последним мусоровозом он поехал на прогулку. Город встретил его шумом и гомоном, визгом тормозов, криками торговцев, ужасной сутолокой, от которой он уже отвык за пять лет. Зачем он приходит иногда на эти шумные улицы? Он объяснить не мог. Денег у него не было, да и нужды покупать нет – можно всё найти в развалах мусора, вымыть, отчистить, а иногда, если повезёт, найти свежее и чистое. Наверное, просто по привычке хотелось пройти по улицам, заполненным людьми.

И они не осознавали, что здесь, в городе, мусором являлись они сами. Город оставался жить дальше, а ежегодно часть отработанного человеческого материала выбрасывалась из жизни за ненужностью.

«Дворцы добровольного ухода» работали ежедневно, без выходных и праздников. Бездушные компьютеры чётко, день в день указывали время ухода для каждого пользующегося государственными пенсиями. Приставы специальной «Службы добровольного ухода» в конце рабочего дня составляли списки «уходящих» на завтрашний день и обзванивали, предупреждая о назначенном времени прибытия во Дворец, хотя каждый из обречённых все пять лет не забывал про этот день.

На прощание с «уходящим» отводилось ровно пятнадцать минут, по принципу «Долгие проводы – лишние слёзы». С парадного входа торжественно вели «уходящего» родные и знакомые, а через четверть часа они выходили уже без него, через второй выход, сразу на улицу. А для него – выход в морг, где после укола он спит ещё полчаса, пока постепенно выключающиеся один за другим

органы не перестанут работать. В конце рабочего дня, уже без зрителей, тела из морга в чёрных пластиковых мешках с бирками перегружают прямо с транспортёра на грузовые машины и вывозят в крематорий рядом с мусорным полигоном. Родственники могут получить во «Дворце добровольного ухода» красивую ритуальную коробочку с горстью пепла, чтобы поставить её на специальный столик (правда, чей это пепел, – неизвестно!). И всё это – за счёт государства. Родственникам очень удобно!

Кто его потом будет провожать, Алексей не знал. Но знал точно, что по мере обнаружения трупов на помойку приходила грузовая машина и увозила печальный груз в тот же городской крематорий. Сколько у него впереди – десять, двадцать, тридцать лет или больше? О чём думать, когда светит солнце и есть ещё здоровье?

Вдруг в толпе мелькнуло знакомое лицо. Это Владимир Петрович из соседнего отдела, их провожали вместе с работы на отдых. Он быстро шёл по тротуару, сгорбившись, как старик, под невидимой тяжёлой ношей. Оглядываясь по сторонам, быстро перешёл дорогу. Потом резко повернул назад и почти подлетел к Алексею.

– Привет, гуляем? Гуляем в последний раз? – глухо произнёс он.

Алексей не понял.

– Привет! Я редко прихожу сюда, мне просто здесь делать нечего.

Владимир махнул рукой.

– Да и мне нечего обычно. А сегодня, сегодня просто хожу. Уже замёрз. Пойдём в ресторан, посидим. Вдвоём всё-таки легче.

Алексей помявшись, нехотя признался:

– Да у меня денег нет.

Владимир криво усмехнулся:

– Сегодня нас должны бесплатно обслужить.

Алексей около пяти лет не был в ресторане, но ничего не изменилось за этот промежуток времени: та же громкая музыка, та же беспричинно весёлая пьяная толпа, тот же жуткий гомон, когда, не слушая друг друга, говорят разом несколько десятков человек.

Владимир показал официанту какой-то жетон, и тот сразу же отыскал свободный столик, рассчитав и отправив с помощью двух здоровых вышибал пьяных клиентов.

Владимир заказал коньяк и, как только принесли графинчик, одну за другой выпил три рюмки, не дожидаясь и не приглашая Алексея. Тот не любил алкоголь, пить ему не хотелось, но за компанию пригубил рюмку. Ел он с удовольствием, смакуя вкусно приготовленную из свежих продуктов пищу. Владимир, не притрагиваясь к еде, молча пил спиртное, тупо глядя на стол перед собой. Потом поднял глаза, вопросительно и хмуро посмотрев на Алексея, спросил:

– Тебе страшно?

Алексей, не ожидая вопроса, пережёвывавая пищу, покрутил головой:

– Нет!

– А мне страшно! И не просто страшно, мне жутко! Я не хочу умирать! Не хочу! Не хочу!

Вдруг до Алексея дошёл страшный смысл его паники: завтра Владимиру нужно уходить!!! Сразу расхотелось пить, расхотелось сидеть в тепле ресторана. А каково Владимиру? Но Владимир, глядя на его реакцию, почему-то обрадовался:

– И ты испугался?

Алексеем стало неприятно:

– Мне чего бояться? Я все эти годы болтался на помойке, толком не ел, толком не пил, зато теперь свободен!

Когда Владимир понял его, он поник и заплакал:

– Так ты будешь жить, а я завтра умру? – Он поднялся на руках над столиком и закричал в зал: – Вы все будете жить, а я завтра один умру!!!

Зал на секунду умолк, а потом шум поднялся снова. Владимир сел на стул и в ужасе прошептал:

– Я завтра умру, а всем безразлично! Всем безразлично! И моей жене безразлично! И моим детям безразлично! Меня завтра в десять часов утра уже не будет. Ты будешь жить. Я же – умру! А все останутся!

Алексеем снова стало его жалко:

– Давай, я тебя отведу домой.

– Нет, я к ним не хочу, они останутся жить, а меня поведут во «Дворец добровольного ухода». А я только из-за них согласился идти на государственное пенсионное обеспечение. Чтобы были средства на жизнь. Чтобы были деньги доучить детей, дать им образование. Да, конечно, я тоже хорошо жил эти пять лет, но и они со мной жили прекрасно. А теперь мне уходить, а они останутся жить дальше. Будьте вы все прокляты! И ты тоже! Убирайся на свою вонючую помойку! Видеть тебя не могу! Ты обманул всех – жену, детей, меня и всех остальных! Ты сохранил свою жизнь! Я хотел сделать доброе дело для своей семьи и в награду получаю смерть! Всем теперь это безразлично! А я боюсь! Вы слышите все? Я ужасно боюсь смерти! И я не хочу умирать завтра!

Последние слова он уже кричал, и к их столику быстро подошли работники ресторана, привычные к таким ситуациям. Двое мужчин взяли Владимира под руки, а женщина лёгким движением провела около его лица каким-то приборчиком, зажатым в ладони, наверное, выключателем эмоций, и он через две секунды успокоился. Алексею объяснили, что, пока эмоции отключены, они отправят его домой на такси, это обычная реакция, как у всех «уходящих». Добавили, что Алексея это не касается. Заказ оплачен, и он может оставаться хоть до утра.

Алексей вдруг осознал весь ужас ситуации, в которую попал Владимир! Ему стало страшно. Ведь они ушли с предприятия в один день! Это значит, что он сегодня стоял бы перед неизбежностью смерти! Его спасло только то, что сын уже был взрослым, а дочь попала к богатому отчиму. Молодая жена настаивала на обращении в пенсионное ведомство. Ей очень хотелось пожить пять лет красиво за его счёт.

Но он всегда помнил глаза отца, полные ужаса, пока красавица, провожающая «уходящих», не выключила его эмоции. Бедный отец! Он умер так рано из-за него – нужно было оплачивать университет. Без пенсии отца Алексею пришлось бы бросить учёбу

на третьем курсе. Ведь у него уже были жена и ребёнок. Папочка, дорогой, ты своей жизнью заплатил за мою глупость!

Потом мама продала свою жизнь, чтобы любимый Алёшенька ни в чём не нуждался. Она была моложе папы на шесть лет. И тоже перед уходом всю ночь не могла уснуть, он сквозь сон слышал шаги наверху, в её спальне. Сын никогда не ценил этих жертв. Ему казалось, что они это делают так по своему желанию, как все. Таков закон!

Прав Владимир – это он, Алексей, оказался самым хитрым и обманул всех – остался жить. Не помог детям за эти пять лет, как другие родители, и хотел навязаться сыну, которого бросил с матерью ещё юношей. Пришлось бывшей жене Алексея заплатить своей жизнью за благополучие их сына, она по болезни раньше вышла на пенсию и уже ушла из жизни.

Да, жуткая история, жуткая жизнь! Он смотрел на пьяных людей в ресторане, пьющих, танцующих, хохочущих, плачущих. Ведь они все боятся за свою жизнь! Никто не хочет уходить рано, поэтому и пьют, заливают страх уже сейчас!

Алексей допил коньяк и пошёл к выходу. На улице темно, а ему тащиться далеко за город. Денег нет даже на одну поездку в дешёвом автобусе. Он шёл всю ночь и, только когда рассвело, увидел впереди кучи мусора. Быстро затопил печурку и лёг спать.

Проснулся от шума – кричал человек. В вечной тишине полигона этот одинокий крик казался чужим. Алексей выглянул из палатки. По мусорным кучам бегал Владимир с криками:

– Помогите, пожалуйста, помогите! Алексей, где ты? Ну помоги, пожалуйста!

Рабочие вышли из своего вагончика посмотреть на чудака. Владимир, увидев Алексея, бросился к нему.

– Помогите мне, пожалуйста! Спрячь меня где-нибудь! Я сбежал от них! Я не хочу умирать! Слышишь, не хочу! Не хочу!

Поразила перемена в его облике. За прошедшую ночь он как бы съёжился, стал

меньше ростом. На сером осунувшемся лице горели безумным огнём бегающие глаза – он как будто потерял рассудок, забыл, что закон одинаков для всех и неотвратим. К вагончику уже подъезжала машина специальной «Службы добровольного ухода». Приставы вышли и направились к Владимиру. Они спокойно шли к своей жертве, это была их работа – доставить нарушителя для исполнения закона. Владимир, остановившись, смотрел на них, дрожа. И вдруг бросился бежать прочь. Запнулся, упал и лежал лицом в грязи, дожидаясь, когда его поднимут и поведут. Он прошёл мимо Алексея, безропотно сел в машину. Она давно скрылась за поворотом, а Алексей всё глядел на дорогое сердцу солнце! Смотрел до слёз в глазах.

КОНСТАНТИН ТИГОВ

Родился в 1950 году в с. Павлополь Новоазовского района Донецкой области.

Публиковался в периодических изданиях Омска, Ноябрьска, Новосибирска, в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне».

Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

ГИБЕЛЬ АРТИСТА СТАСИКА

«Умному – намёк, глупому – дубина» – так говорят, имея в виду, что там, где умному достаточно намекнуть, глупому бывает необходимо стукнуть по башке, чтобы до него наконец дошло.

А может, тут вовсе не в глупости дело было, просто профессиональное любопытство подвело. Не знаю. Но только когда в Фёдоровке (что под Сургутом) проводили соревнования среди западносибирских лаек «по подсадному медведю», с одним из тележурналистов произошла трагикомическая история.

Впрочем, всё по порядку.

Много лет подряд в Ноябрьск приезжает цирк. Размещается он обычно за кинотеатром «Русь». В программе разные номера, в